

ФЕНОМЕН НАСИЛИЯ В РУССКОЙ СКАЗКЕ

А.А. Суслов

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

E-mail: as8282@list.ru

Исследуется вопрос об онто-гносеологическом аспекте феномена насилия, понимании и осознании его истоков и форм проявления на основе сюжетов русских сказок. Продемонстрирована взаимосвязь феномена насилия и ментальности русского народа.

Ключевые слова:

Феномен насилия, сказка, культурная идентификация, самобытность, ментальность, русский характер.

Key words:

Violence phenomenon, tale, cultural identification, originality, mentality, Russian character.

В настоящее время существует большое количество философских, психологических и других характеристик понятия феномена насилия. Следуя логике выдающего философа Ницше, предвосхитившего и обосновавшего культурно-философское значение насилия в обществе, можно заключить, что насилие как физическая форма человеческого существования является некой социальной нормой в обществе «супершимпанзе» [1. С. 6]. Оно позволяет выстроить естественный способ общения одного индивида с другим. Природой данное и обществом широко используемое насилие является эффективным инструментом человеческого общежития. Русская культура, как отмечали многие культурологи, историки и философы, своей важной отличительной особенностью имеет некое моральное обоснование и принятие насилия. Однако именно этот вопрос многих ставил в тупик. «Нравственно оправданным насилие могло бы быть только в том случае, если бы у него было получено согласие тех, против кого оно направлено. Ну, если возможно такое согласие, то зачем нужно насилие? Насилие во благо — это скорее всего логическая несуразица» [2. С. 10].

В отечественной и зарубежной философии феномен насилия в русской культуре традиционно объяснялся с позиции существования различных исторических и культурологических характеристик. Будь то наличие золотоордынского ига; крепостного права; особого географического нахождения страны в целом, протяженности границ, окруженной враждебными государствами и, наконец, относительно приемлемой почвой для зарождения социализма в его одиозном характере, требующим беспрекословного подчинения властям марксизме-ленинизме (сталинизме) [3. С. 55]. Истоки всех этих политических событий напрямую связаны с наличием особой русской ментальности. Важным источником, раскрывающим суть этих процессов являются сказки как подсознательная, иррациональная, свободная от каких-либо политических заказов часть традиционной культуры Руси.

Русские сказки — кладезь для познания основ нашей ментальности и уникальности. Они раскрывают нам наши особые отличительные характер-

ные особенности. Русский человек верит в чудо, ждет его, он иррационален, в своих действиях, терпелив, находчив и поразительно всепрощающ [4. С. 437]. Принятие насилия как необходимого условия жизни и ее неотъемлемой характеристики свойственно обычному русскому человеку. В подтверждении этого можно привести в качестве примера сказку «Скирлы-скирлы» Сюжет этой сказки при первом прочтении кажется бессмысленным и нелогичным. Согласно истории, старик был послан своей старухой, захотевшей медвежатины, в лес с целью убить медведя. Старик, взяв топор, отправился в дорогу и в лесу наткнулся на спящего медведя. Недолго думая, он, не решившись его убить, почему-то отрубает ему лапу, на что «медведь даже не пошевелился» [5. С. 30]. Вернувшись домой с отрубленной медвежьей лапой, наткнется на старуху, недовольную столь небольшой добычей. Тем не менее она разделяет лапу. Из мяса варит щи, а шерсть пускает на пряжу. Медведь же, спустя некоторое время, просыпается и обнаруживает «пропажу». Разгневанный и обезумевший «царь леса» находит своих обидчиков, становится у их дома и с горьким плачем напеваёт:

«Скирлы-скирлы, скирлы.

Все по селам спят,

Одна баба не спит,

Мою шерсть прядет,

Мое мясо варит» [5. С. 31].

Однако медведь не устоял от запаха щей, баба его запустила в дом и накормила яством из его собственной лапы. После ужина, пытаясь поговорить с обидчиком, медведь полез на печь, где спал старик. Но, оступившись, медведь падает в открытый погреб и погибает, оставшись там лежать неиссякаемым запасом мяса. Согласно сказке, старик и старуха «посейчас носят мясо из подполья» [5. С. 33]. Эта удивительная сказка наглядно демонстрирует нам некие истоки насилия и отношения русских людей к этому феномену. Медведь, вероятно, собирательный образ русского народа. Он силен, огромен, но неорганизован, стихийен, непредсказуем и поразительно всепрощающ. Здесь прослеживается как минимум два вида насилия.

Во-первых, следуя сюжету сказки, дед был послан в лес старухой. Вероятно он вовсе не глава семьи. Всеми делами заправляет его старуха. Остается только поражаться столь явной силе этой властной женщины, которая отправила своего старого деда в лес, да еще и за медведем, так как ей захотелось медвежатины.

Во-вторых, факт самого насилия над медведем, царем леса. Имея все возможности его убить, старик, наткнувшись на спящего медведя, почему-то отрубает ему лапу. Вероятно, старик и медведь здесь выступают в роли зависимых от той или иной власти, несвободных от своей участи. Возможно это и заставило старика отказаться от своего ранее вынашиваемого замысла. Так же остается неразгаданным то обстоятельство, почему медведь не проснулся от ампутации конечности. Медведь, как и весь русский народ, терпелив, склонен многое прощать. Вероятно, именно эта терпимость и смирение над своей судьбой как данностью удивительным образом показано в этой сказке. Однако, как и медведь, весь могучий русский народ иногда сознательно допускает насилие над собой. Медведь спал, медведь пошел на примирение с обидчиками - поел ши и наконец, медведь стал еще и добычей двух практически немощных и старых людей, действовавших без посторонней помощи.

Насилие в целом в традиционной культуре Руси воспринималось не как из ряда вон выходящее явление, оно было обыденным и вероятно подсознательно русский человек внутри себя даже ожидает его. Насилие, возможно, выступает как некий стимул собственного самосовершенствования. Не случайно немецкий фольклорист-живописец Ж.Б. Лепренсе, посетивший Россию в XVIII в. по приглашению графа И. Шувалова, создал серию этнографических гравюр русских людей. Среди них можно было увидеть не только отличительные особенности русского костюма, но и рода занятий. Там были крестьяне, дворяне, нищие, купцы и прочий люд, изображенных с поразительным реализмом. Стоит заметить, что серия гравюр Ж.Б. Лепренсе посвящена наказаниям. Как отмечает по этому поводу исследователь Е.А. Вишленкова: «Это тоже часть жизни русских крестьян, потому в них нет мрачности, а только любопытство и интерес» [6. С. 105]. Иначе говоря, насилие выступало вполне привычной и можно сказать обыденной формой жизни русских людей.

Так же, следуя логике философского обоснования наличия феномена насилия в русской ментальности, необходимо остановиться на том, что автором данной статьи не ставится цель нравственного оправдания насилия, скорее речь идет о проявлении этических факторов, позволяющих понять проявление его отдельных форм и случаев. С другой стороны, во многих работах прослеживается позиция, что насилие невозможно аргументировать этически. В тоже время, оно невозможно без такой аргументации [7. С. 126]. Вероятно критери-

ем, определяющим понятие насилия, выступает сравнение категорий «Добра» и «Зла». Однако сделать эти сравнения чрезвычайно сложно, так как они понимаются во взаимном противопоставлении и существуют вследствие этого вместе. Порой их связь настолько тесна, что отличить их не представляется возможным.

Эту сложную философскую проблему можно проиллюстрировать на примере сказки «Данила Говорила». Князь Данила Говорила был в детстве ребенком добрым и красивым. Возможно своей добротой, несвойственной людям высокого ранга, он не угодил одной ведьме. Ведьма подарила князю подарок – колечко, которое гарантировало ему выбор самой лучшей невесты при условии, если оно подойдет ей. Зная о дурном настрое ведьмы, князь не смог отказаться от столь желанного подарка, пусть и колдовского. Князь отправился на поиски своей суженой. Ни в своем княжестве, ни в других соседних не сыскал он себе невесты, которой бы подошло колечко. Отчаявшись, Данил вернулся домой. Его встретила сестра княжна. Ей приглянулось колечко, она его надела на палец, и ей оно чудным образом подошло. Никакие вразумения об аморальности их союза князь и слушать не стал, он потребовал невозможного от своей собственной сестры – стать женой ему. Княжна согласилась при условии, что она проведет первую брачную ночь в комнате, по углам которой будут расставлены 4 куклы, приобретенные у «перехожих» старух. Как только пришел князь, княжна расставила заговоренных кукол и сразу же провалилась под землю и встретила там себя. Ее двойник оказалась дочерью ведьмы. Княжна затеяла побег из Преисподни, ведьмина дочь для этого убила свою мать. Вернувшись на землю Данил не мог разгадать, кто из них княжна, а кто ведьма. Он предпринял инсценировку своего убийства на глазах двух девушек. Первая никак не отреагировала, зато вторая, умываясь горькими слезами, стала оплакивать своего брата.

Так Данил выяснил, кто из них его сестра. Княжну он отравил за тридцать земель от греха подальше, а на ведьминой дочке женился [8. С. 536]. Таким образом в сказке все поменялось местами и добро, и зло, и пространство земное и потусторонний мир, и отношение героев ко всему этому. «Что на земле зло, то в аду добро» - выступало неким лейтмотивом сказки. Убийство ведьмы ради побега и желания быть вместе с братом вероятно выступает как оправдание их поведения. Хотя на земле им тоже не быть вместе, ведь не случайно княжна попала в логово ведьмы. Вероятно добро и зло – взаимозависимые явления и существуют вместе. Насилие как оправдание своего поведения и средства борьбы не всегда может привести к желаемому результату. Помыслы княгини в этой сказке чисты, она любит своего брата как сестра, но брат в ней видит жену. Убийство ведьмы ее дочерью вероятно говорит о существовании зла как данности. Тем более это убийство ничего не значило, ведьма

все равно ожила и принялась за свое. А переход дочери ведьмы на землю свидетельствует о некоторой трансформации и взаимозависимости категорий «Добра» и «Зла».

Насилие как смысл жизни является центральной темой сказки «Собака и дятел». Сюжет сказки заключается в смысле жизни в виде мести. Впоследствии месть подменяет все остальные ценности. Насилие в сказке выступает как цель самой жизни и средством мести. Начинается сказка с традиционного захода, что жили были старик со старухой, и была у них собака, которая служила им правдой и верой. Собака состарилась и решил старик ее отнести в лес там умирать. Собака в лесу встречает дятла. Дятел сжалился над собакой и накормил ее, украв еду у землепашцев. Однако, собака долго не пожила. Случайным образом, погнавшись за лисой, она угодила под проезжающую по лесу телегу и погибла. Дятел, не разобравшись в сути произошедшего, стал мстить мужику, управляющего телегой. Сначала он продолбил дырку в дегтярной бочке, находящуюся на телеге, и предназначенный для продажи деготь вытек, тем самым разорив мужика. Потом принялся за лошадь, стал долбить ей череп. Отгоняя поленом дятла с головы лошади, мужик случайно размозжил лошади голову. Придя домой, усталый и без лошади с повозкой, несчастный мужик опять столкнулся с неугомонным дятлом. На сей раз он сел на голову младенца, сына дегтярщика. В итоге сын погибает, и на этом сказка заканчивается [8. С. 435]. Сложно определить смысловую логику сюжета этой сказки. Насилие выступает здесь как само собой разумеющееся явление. Оно есть вероятно, потому что есть сами орудия этого насилия и потенциальные жертвы. У

дятла есть клюв, крылья и способность быстро летать, тем самым уходить безнаказанно. А мотив своего насилия важен только при первой жертве. А во всех остальных случаях он уже неважен. Насилие становится не средством, а целью.

Таким образом, при анализе всего лишь нескольких сказок, можно сделать некоторые выводы о сущности и предназначении феномена насилия как фактора русской культуры. Насилие выступает как средство, как потенциальный механизм активизации внутренних ресурсов человека. Поражает потрясающая терпимость, стойкость и некоторая даже осознанность наличия насилия в обществе русского народа. Насилие может быть стихийным, бессмысленным, может существовать и как средство достижения целей, но и ради самого себя. Остается только поражаться столь уникальной части нашей ментальности, истоки которой волшебным образом представлены нам в сказках.

Выводы

Исследован вопрос об онто-гносеологическом аспекте феномена насилия, понимании и осознании его истоков и форм проявления на основе сюжетов русских сказок. Показано своеобразие проявления феномена насилия на примере сюжетов русских сказок. Обоснованы различные концепции актуализации культурно-философского концепта насилия. Актуализированы проблемы этического понимания насилия, его источников, форм проявления и истоков этого феномена. Продемонстрирована взаимосвязь феномена насилия и ментальности русского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Губин В.Д. Русская культура и феномен насилия // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 3–5.
2. Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 5–12.
3. Гройс Б.В. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. – 1992. – № 1. – С. 52–61.
4. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. – М.: Эксмо, 2007. – 911 с.
5. Панюшкин В. Код Горыныча: что можно узнать о русском народе из сказок? – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. – 144 с.
6. Вишленкова Е.А. Тело для народа, или «увидеть русского дано не каждому» // Человек. – 2008. – № 3. – С. 93–112.
7. Пропп В.Я. Сказка. Эпос. Песня. – М.: Лабиринт, 2001. – 367 с.
8. Афанасьев Н.А. Заветные русские сказки. – М.: Эксмо, 2007. – 781 с.

Поступила 23.11.2009 г.